

М. Алексеев

Памятник

Вопрос о традиции в русской поэзии, к которой примыкает пушкинский «Памятник», можно считать достаточно проясненным.

Более отчетливо можно представить себе теперь, особенно после обнаружения переписки Карамзиных и некоторых других документов <...>, то угнетенное состояние духа, в котором Пушкин находился до конца лета 1836 г., в частности в те дни, когда он набрасывал строфы своего стихотворения. И литературные, и домашние дела поэта находились в полном беспорядке. Отзывы современных ему литераторов о его новейших трудах свидетельствовали, что былая слава поэта находится на ущербе; «колеблемый треножник» готов был и вовсе быть низвергнутым во прах; зоилы и завистники — журналисты не только не понимали его творений, но и распространяли о нем клевету, пуская, например, в оборот литературных салонов и светских гостиных сравнение поэта с «угасшим светилом»; материальные его дела были близки к полному краху; тревоги и подозрения пришли в его собственную семью.

Едва ли мы погрешим против истины, если предположим, что стихотворение «Я памятник себе воздвиг...» мыслилось поэтом как предсмертное, как своего рода прощание с жизнью и творчеством в предчувствии близкой кончины, потому что и самое слово «памятник» вызывало прежде всего представление о надгробии. «Кладбищенская» тема в лирике Пушкина последнего года его жизни была темой навязчивой, постоянно возвращавшейся в его сознание; подводя итог своей литературной деятельности, он тем охотнее вспоминал и о ее начале, о первых своих поэтических опытах и об оценке их ближайшими друзьями лицейских лет. Как изменилась жизнь за прошедшую четверть века! Сколь многое стало иным и в отношении к нему самому!

На основании представленных выше данных мы предполагаем, что замысел «Памятника» вызван мыслью Пушкина о самом близком и бескорыстнейшем из его друзей — А.А. Дельвиге. Именно Дельвиг первым предсказал ему бессмертную славу, именно он был утешителем юного поэта во всех его истинных и воображаемых несчастиях, неустанным и верным защитником от критики, провозвестником его будущей блистательной поэтической судьбы. Больше того, Дельвиг уберег Пушкина от увлечений другими путями жизни, которые открывались перед обоими юношами при выходе из лицея, заклиная его не пренебрегать своим поэтическим даром, считать себя поэтом по преимуществу.

О Дельвиге Пушкин думал до последних дней своей жизни, он надеялся издать свою переписку с ним, записывал воспоминания о покойном друге, перечитывал его стихи, в том числе и обращенные к нему послания; может быть, его могилу посетил поэт, прежде чем начал набрасывать план автобиографического произведения («Prologue»), в котором немаловажную роль должны были играть воспоминания о лицейских друзьях-поэтах — Дельвиге и Кюхельбекере, о их общих увлечениях поэзией, перемежаемых играми и школьными занятиями. О Дельвиге Пушкин думал даже после создания «Памятника» как о человеке, рожденном с ним «под одной звездой», как о доверенном Друге, от которого он никогда ничего не скрывал. В стихотворении 1831 г., вспоминая ушедших друзей, Пушкин писал:

И мнится, очередь за мной,
Зовет меня мой Дельвиг милый,
Товарищ юности живой,
Товарищ юности унылой.

Теперь, пятилетие спустя, Пушкин мог с еще большим основанием думать то же самое. Кому, как не Дельвигу, раскрывал он свои литературные планы? С кем, как не

с Дельвигом, делился он своими удачами? К кому, как не к тени покойного друга, могла быть обращена теперь его исповедь?

Гордое самоутверждение, которое встречаем мы в «Памятнике», настолько не соответствует лирической настроенности всех окружающих его стихотворений Пушкина той же поры, что его трудно было бы объяснить иначе. Только с мыслью о все понимавшем и оправдывавшем друге Пушкин и мог набрасывать строфы о своих заслугах на том поприще, которое они избрали оба. Только ему он осмелился бы сказать, что противопоставляет свою славу славе царя, деяния которого увековечены особой, недавно воздвигнутой колонной. Ведь по существу «Памятник» был ответом на призывы Дельвига, обращенные к Пушкину в его стихотворении «Кто, как лебедь цветущей Авзонии», напечатанном в «Российском музее» 1815 г. и также, как мы видели, основанном на противопоставлении судеб «двух Александров» — поэта и царя. Предчувствуя кончину, прощаясь с жизнью и творческой деятельностью, Пушкин, вспоминая Дельвига и мысленно прощаясь с ним, как бы перед ним, живым, утверждал, что пророчества друга сбудутся непременно, вопреки злонамеренным невеждам и глупцам, которые губят поэта так, как погубили за пять лет перед тем его лучшего друга и брата «по музе и судьбам».

Только настойчивой мыслью о Дельвиге и лицейских годах и можно объяснить, наконец, горацянско-державинские черты «Памятника» Пушкина, вступающие в явное стилистическое противоречие с другими его стихотворениями того же, 1836 г. Пушкин возвращается к Горацию и Державину, двум любимым поэтам Дельвига лицейских лет; их имена и строй их поэзии чаще всего ощущаются в лицейских посланиях Дельвига к Пушкину. На тот же лад настроена лира Пушкина и в исследуемом нами его стихотворении.

В «Памятнике» Пушкина не только фразеологические сочетания, но каждое отдельное слово влечет за собой целый круг ассоциаций и образов, теснейшим образом связанных с той стилистической традицией, которая была привычной для поэтов-лицеистов. Даже метрика стихотворения свидетельствует о том же: строфа «Памятника» впервые, но единственный раз была применена Пушкиным в его лицейском стихотворении 1815 г. («Наполеон на Эльбе», последнее четверостишие.) Отражения в пушкинском «Памятнике» произведений Горация и Державина в исторически сложившейся и ставшей традиционной форме автопризнаний о собственных поэтических заслугах давно уже объяснены текстологическими параллелями и специальными комментариями сравнительного характера, восходящими к Белинскому. В итоге указанных сопоставлений выяснилось, что Пушкин дал в своем «Памятнике» своеобразную, «глубоко реалистическую трансформацию горацянско-державинского образца», державинский образец привел Пушкина в данном случае не столько к внешней и поверхностной формальной стилизации, сколько к удивительному мастерству и глубоко интимному по существу воспроизведению той стилистической сферы, в пределах которой он вращался в своих писаниях юных лет. <...>